

A man with a beard and dark hair, wearing a dark suit, is shown in profile, looking towards the right. He is standing in a large, ornate room with high ceilings and many white columns. The floor is covered with a patterned carpet. In the background, there are arched windows and a small table with some items on it. The lighting is soft and natural, coming from the windows.

Мила Минкова

Та, кто больше
не придет...

Мила Минкова

Та, кто больше не придет...

«Автор»

2026

Минкова М.

Та, кто больше не придет... / М. Минкова — «Автор», 2026

Он стоял в огромном белоснежном зале и смотрел, как по ее руке на мраморную плитку стекала алая кровь. Он не хотел в это верить, но здравый смысл шептал ему, что она мертва и никогда больше не придет к нему ранним утром и не обнимет своими холодными ладошками его сильную руку, не улыбнется мурлыкая, а затем вальяжно не заварит тот самый вкусный кофе по-турецки с нотами кардамона и шафраном и доброе утро, больше не станет добрым, потому что она убита безжалостно, точно кто-то со огромной ненавистью мстил этому ангелу во плоти. Зачем? За что? И кто? - в голове Виктора Михайловича крутилась много вопросов, но ему нужны были на них ответы и он их найдет, чего бы ему это не стоило.

© Минкова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Мила Минкова

Та, кто больше не придет...

Глава 1

Он стоял в огромном белоснежном зале и смотрел, как по ее руке на мраморную плитку стекала алая кровь. Он не хотел в это верить, но здравый смысл шептал ему, что она мертва и никогда больше не придет к нему ранним утром и не обнимет своими холодными ладошками его сильную руку, не улыбнется, мурлыкая, а затем вальяжно не заварит тот самый вкусный кофе по-турецки с нотами кардамона и шафрана. И доброе утро, больше не станет добрым, потому что она убита. Безжалостно, точно кто-то с огромной ненавистью мстил этому ангелу во плоти. Зачем? За что? И кто? - в голове Виктора Михайловича крутилось много вопросов, но ему нужны были на них ответы и он их найдет, чего бы ему это не стоило.

Тем временем врачи констатировали смерть, и жизнь такой красивой и молодой женщины ушла в небытие, очень скоро никто и не вспомнит о том, что она была на свете, никто, кроме него. Виктор Михайлович любил Эллу, как никого, она была всем для него и тот, кто посмел забрать его игрушку поплатится за это.

Он уверенно сел в кресло и начал восстанавливать картину вчерашнего дня, звонок в 22 часов от Эллы раздался, когда он ехал по Кутузовскому:

- Ты приедешь сегодня? - спросила она слегка встревоженным голосом, тогда он это списал на волнение, Элла не любила оставаться одна.

- Нет, ответил он. Дел навалилось много, переночую в городской квартире, а ты, солнце, ложись и спи, я буду мысленно с тобой.

- Если вдруг что-то случится, ты не держи на меня зла, с тобой я всегда была сама собой, наверное это самое важное из всех чувств на Земле.

- Эллочка, что-то случилось?

- Не обращай внимание, хандра напала. До завтра. - поспешила попрощаться она.

Он положил телефон, но тут же раздался еще ворох звонков, он отвлекся и не придал этому значения.

А что же тогда было на самом деле... В тот вечер Элла встретила гостя из прошлого, из того далекого прошлого, о котором она мечтала забыть. Но все же будем действовать по порядку.

Виктор Михайлович познакомился с Эллой по телефону, она позвонила ему, ошибившись номером, он влюбился в ее голос, навел справки, случайная встреча, шикарные букеты, томные взгляды, посещение мероприятий и так день за днем он стал понимать, что эта и есть та единственная женщина, которая нужна ему. Через полгода он сделал Элле предложение, она согласилась, но не сразу.

"Заставила ты меня тогда понервничать", - часто шутили они, вспоминая этот эпизод из их жизни. Элла была женщиной-загадкой, не любила много говорить о себе, но всегда с удовольствием слушала о других, была душой любой компании, кроткая, хрупкая и при этом настолько лучезарная, она располагала к себе любого. Без проблем влилась в новое далеко непростое общество Виктора Михайловича, завела себе приятельниц и стала заниматься благотворительностью, что у нее получалось довольно таки неплохо.

Виктор Михайлович поднял взгляд от мраморной плитки. Алая лужа уже начала темнеть по краям, впитываясь в камень, словно сама земля жадно пила эту жизнь. Осколки кофейной чашки — той самой, из которой Элла каждое утро пила свой кофе с кардамоном и шафраном, — валялись в луже, и белый фарфор казался лепестками погребального венка.

Где-то на втором этаже хлопнула дверь — приехала полиция.

Первым в зал вошел невысокий мужчина в мятом сером пальто. Он окинул помещение быстрым цепким взглядом, задержался на теле, затем перевел глаза на Виктора. Представился сухо, без тени сочувствия:

— Капитан Малахов. Следственный комитет.

Виктор Михайлович знал этот тип людей. Их не впечатляли ни деньги, ни фамилии, ни власть. Они видели слишком много трупов, чтобы удивляться чему-либо, и слишком много вранья, чтобы верить кому-либо на слово. Малахов был именно таким — с прищуренными глазами, с крепко сжатыми губами, с блокнотом, который он держал так, словно тот был оружием.

— Ваша жена? — спросил Малахов, кивая на черный пакет, в который только что уложили Эллу.

— Невеста, — поправил Виктор Михайлович. Голос его звучал ровно, хотя внутри все клокотало. — Мы должны были пожениться через месяц.

Малахов коротко кивнул, что-то пометил в блокноте.

— Причина смерти предварительно — тупая травма головы. Несколько ударов. Судмедэксперт скажет точнее. — Он поднял глаза на Виктора. — Вы ночевали не здесь?

— Нет. Я был в городской квартире. Приехал утром, когда мне позвонила домработница.

— Во сколько?

— В семь сорок пять.

Малахов снова кивнул, записал. Затем оглядел зал: белоснежные стены, хрустальная люстра, итальянский мрамор. На секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на презрение — или, быть может, на скепсис. Люди с таким достатком обычно имеют врагов. И такие враги обычно умеют замечать следы.

— Присаживайтесь, Виктор Михайлович. Поговорим.

Они сели в гостиной — Виктор в кресло, из которого вчера разговаривала Элла, Малахов напротив, на диван. Капитан раскрыл блокнот, щелкнул ручкой.

— Расскажите, что Вы знаете о вчерашнем вечере.

Виктор Михайлович сцепил пальцы в замок. Спокойно, без эмоций — сейчас нельзя было показывать слабость. Он отвечал четко, по-деловому, словно докладывал на совете директоров: звонок в двадцать два ноль-ноль, ее голос — встревоженный, странные слова о том, чтобы он «не держал зла», его решение остаться в городе. разобраться с ней сам.

— Странно, — заметил Малахов, когда Виктор закончил. — Женщина говорит вам что-то вроде прощания, а вы не придали этому значения. Не показалось странным?

Виктор Михайлович выдержал его взгляд.

— Она была эмоциональной. Иногда говорила странные вещи. Я думал, это хандра.

— Хандра, — повторил Малахов, словно пробуя слово на вкус. — И вы не пытались перезвонить?

— Пытался. В двадцать три часа. Она не ответила. Я решил, что она уснула.

Малахов захлопнул блокнот, посмотрел на Виктора долгим изучающим взглядом.

— Хорошо. Если понадобится — вызовем.

Он встал, но на пороге обернулся:

— И еще, Виктор Михайлович. Я понимаю, кто вы. У вас деньги, связи, власть. Вы можете нанять лучших адвокатов, частных детективов, кого угодно. Но это мое дело. И я его раскрою. С вашей помощью или без нее.

Виктор Михайлович не ответил. Только кивнул.

Малахов ушел, и через несколько минут за ним ушли остальные — судмедэксперт, оперативники, полицейские с камерами. Дом опустел, только домработница тихо плакала на кухне, не решаясь выйти.

Виктор Михайлович остался один в белоснежном зале.

Черный пакет унесли. Мраморную плитку уже отмывали, и вода с розоватым оттенком стекала в дренажное отверстие под окном. Осколки чашки собрали в пакет для улики. Алая лужа исчезла, но в памяти Виктора Михайловича она останется навсегда.

Он стоял посреди зала, смотрел на чистое белое пятно на полу, где еще несколько часов назад лежала та, кого он любил больше жизни. Сердце его билось ровно, но где-то глубоко внутри, в самой темной части души, что-то взорвалось. Словно лопнула струна, натянутая до предела.

Это была не просто ярость. Не просто горе.

Это была решимость.

Виктор Михайлович подошел к бару, налил себе виски. Выпил залпом, не чувствуя вкуса. Поставил стакан на стойку и посмотрел на свое отражение в зеркальной панели. Глаза его были спокойны — слишком спокойны. Так выглядит человек, который принял решение, от которого уже не отступится.

— Я найду тебя, — произнес он вслух, обращаясь к пустоте. — Кто бы ты ни был. Я найду тебя и заставлю заплатить.

Он говорил тихо, почти шепотом, но каждый звук падал в тишину дома, как камень в воду, расходясь кругами.

Он поднялся в спальню Эллы. Там еще пахло ею — ее духами, ее шампунем, ее теплом. На тумбочке лежала книга, заложенная закладкой на середине. На подушке остался длинный темный волос. Виктор Михайлович взял его, посмотрел на свет, затем аккуратно свернул в платок и положил во внутренний карман пиджака.

Он открыл шкаф, провел рукой по ее платьям. Шелк, шифон, лен — все это теперь навсегда останется без нее. На нижней полке стояла коробка с ее украшениями. Он поднял крышку и замер: поверх бархатной подложки лежала фотография, которую он никогда не видел. На ней Элла была совсем молодой — лет восемнадцати, с короткими волосами, улыбалась в камеру. Рядом с ней стоял мужчина, лица которого Виктор не мог разглядеть — снимок был обрезан. Только рука, лежащая на ее плече, и обручальное кольцо на безымянном пальце. Кольцо, которое Виктор ей не дарил.

Он перевернул фотографию. На обратной стороне дрожащим почерком было выведено: «Прости меня. Я никогда не должна была говорить тебе правду».

Виктор Михайлович долго смотрел на эти слова. Затем аккуратно положил фотографию обратно в коробку, закрыл крышку.

Он не знал, что это значит. Но он был уверен в одном: разгадка этой истории начинается не сегодня и не вчера. Она начинается задолго до того, как Элла вошла в его жизнь.

— Кто ты, Элла? — прошептал он в тишину комнаты. — И от чего ты пыталась меня защитить?

Ответа не было. Только ветер стучал в окно, и где-то далеко, за городом, начинал накрапывать дождь.

Виктор Михайлович спустился вниз, налил себе еще виски. Затем прошел в кабинет, сел за стол и открыл ноутбук. Он начал составлять список: люди, которых он знал, связи Эллы, события последних месяцев. Он был методичен и холоден — так он вел свои дела. Так он теперь будет вести расследование.

Первая вспышка ярости прошла. Осталась только стальная, ледяная решимость.

Он достал телефон и набрал номер своего человека в одном из закрытых ведомств.

— Мне нужна информация на женщину по имени Элла Эдуардовна Савицкая. Вся. До последней строчки.

Положил трубку. Посмотрел на темное окно, в котором отражался его собственный силуэт — одинокий, жесткий, непреклонный.

— Игрушку, — повторил он вслух, вспоминая свои же слова. — Ты посмел забрать мою игрушку.

Он усмехнулся — безрадостно, холодно.

— Ты не знаешь, с кем связался.

Дождь начался сильнее. Он барабанил по стеклу, смывая следы крови, но не память. Память останется.

Виктор Михайлович не сомкнул глаз до рассвета. Он работал, планировал, строил схемы. К утру на его столе лежал первый черновой план расследования, написанный от руки, — так, как он делал в молодости, до того как стал тем, кем стал.

Черный пакет увезли. Эллы больше не было.

Но он найдет того, кто это сделал.

Он найдет и уничтожит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.